

Огнерожденный / Fireborn (аудиорассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Огнерожденный / Fireborn
(аудиорассказ)

Автор	Ник Кайм / Nick Kyme
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Источник	Hammer & Bolter #22
Год издания	2010
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Входит в цикл	Саламандры
Предыдущая книга	Salamander
Следующая книга	Firedrake

Забыв о запретах, Евангелина бежала по часовне Священного Убежища.

Она неслась, словно преследуемая по пятам гончими Хаоса.

Поминальные свечи, медленно оплывая, озарили девушке дорогу в одном из поперечных нефов, а статуи

святых мучеников укоризненно смотрели на неё из теней в глубоких нишах. Пробегая по святому притвору, Евангелина пыталась собрать воедино собственные видения, но тихий стук её сандалий по холодному полу обители, звучащий в окружающем безмолвии громче взрывов зажигательных бомб, вносил сумбур в мысли.

Кровь.

Она видела её, лившуюся с небес алым дождем.

Все истекут кровью, обещали голоса. Черепа для трона...

Последние слова вызвали у Евангелины дурноту. Она ощутила запах машинного масла, почувствовала на языке привкус железа. В ушах прозвучал резкий лязг механизмов, хотя в обители по-прежнему стояла гробовая тишина.

В галерее Благодетия девушка отыскала отца Люмеона.

— Дитя моё, упаси Император, что с тобой случилось?

Запахавшаяся Евангелина, худая до невозможности девушка в невзрачной светлой рясе, только ловила ртом воздух.

Отец Люмеон, весьма официально выглядевший в своем одеянии, выбрался из-за стола чёрного дерева, на котором лежали многочисленные пергаменты и инфопланшеты. Рядом находился механизированный помощник-лексиканий, записывавший нейропером рассуждения священника. До появления девушки тот трудился над опусом *«Приведение местных народных верований к соответствию положениям Имперского Кредо»* – непростая работа, которую с удовольствием отложил даже такой набожный человек, как отец Люмеон. Отогнав парочку привлеченных шумом кибернетических херувимов, спустившихся к ним на ангельских крыльях, священник подошел к Евангелине и мягко коснулся её щеки, заставляя поднять глаза.

— Успокойся, дитя...

Иступление Евангелины сменилось глубоким смятением.

— И объясни, в чем дело.

Сестра-госпитальер тряслась всем телом, глядя на него глазами, полными слёз. Ответа так и не последовало.

— Пойдем со мной, — отец Люмеон неторопливым шагом сопровождал девушку на вычурный балкон, с которого открывался вид на всю Гробницу IV.

Повсюду, куда ни обрати взор, возвышались храмы и кафедральные соборы, возносились к небесам колокольни с зубчатыми вершинами, толпы паломников шествовали по изукрашенным мостам над глубокими ущельями, а в воздухе порхали стайки херувимов. Армии праведных, адептов Экклезиархии и её наиболее ревностных защитников, населяли мир-святыню. Зрелище радовало душу отца Люмеона каждый раз, когда он выходил на балкон.

Сестра Евангелина явно не испытала подобного блаженства. Вновь разревевшись, она затряслась и отвернулась, показывая на небо.

Подняв голову, священник понял, что солнце Гробницы изменилось. Прежде желтое, оно покраснело, и под его багряными лучами бледные каменные стены соборов казались вырезанными из костей и измазанными кровью.

— Что ты видела? — отец Люмеон сжал плечи Евангелины, умышленно причиняя ей боль. — Объяснись, немедленно!

Их взгляды встретились. Взор девушки наполнял страх и предчувствие беды, глаза священника покраснели и пылали праведной яростью.

Что видела она в бездонной тьме? И отчего кровоточило небо?

Евангелина поведала всё.

Крепко сжимая руку девушки, чтобы та не отставала, отец Люмеон спешил по безмолвным коридорам бастиона-монастыря. На них с Евангелиной украдкой посматривали другие сестры-госпитальеры Ордена Внутренней Святости. Некоторые из них несли в руках поминальные свечи или дымящиеся кадила, испускавшие резкий аромат. Все сестры держали очи долу, но явно приходили в смятение при виде того, как одну из послушниц Ордена, пусть даже самого низкого чина, куда-то уводят с такой поспешностью. Отец Люмеон проносился мимо них, лишь изредка останавливаясь, чтобы активировать отпирающие устройства позолоченных взрывозащитных дверей и механизированных архиврат. За ними открывались хранилища артефактов и заполненные стазис-капсулами реликварии под чудно освещенными потолочными сводами, уставленные колоннами, украшенными изящной скульптурной работой. Всё это смазывалось в цветное пятно, на которое отец Люмеон не обращал никакого внимания.

Священник все время молчал, нахмурив брови с выражением человека, задавшего вопрос и получившего ответ, который совершенно не желал услышать. Скосив глаза на Евангелину, отец Люмеон заметил, что лицо девушки посерело, словно присыпанное пеплом.

В Ордене никогда прежде не случалось ничего подобного.

Понемногу религиозная строгость бастиона-монастыря сменилась военной функциональностью. Свинцово-серые плиты стен росли вокруг них, словно переборки на корабле, направления определялись по выдавленным номерам казарм и предупреждающим стрелкам-ёлочкам на полу. Далекий звон, сопровождавший занятия боевой подготовкой, звучал приглушенным припевом к их не столь громким шагам.

До сих пор Евангелина не покидала пределов часовни Священного Убежища и пристроек к нему, в одной из которых располагалась спальня, которую она делила с другими послушницами. Первый раз оказавшись в этой части огромного бастиона-монастыря, девушка нашла её холодной и неприветливой. Сотрясающие воздух отзвуки стрельбы на каком-то далеком тренировочном участке терзали уши Евангелины, а лязг клинков неприятно отдавался в позвоночнике.

Отцу Люмеону, почувствовавшему нежелание девушки двигаться дальше, пришлось чуть ли не тащить её за собой остаток пути. Их странствие завершилось в конце длинного, пустого коридора, где священника и послушницу встретила одинокая фигура, освещенная сверху сиянием люминисфер.

В её облике угадывались очертания крестоносца, алая ряса служила символом крови мучеников, текущей в жилах воительницы. Серебряный шлем полностью скрывал черты защитницы веры, но её поза

говорила о том, насколько сурово и непреклонно лицо под маской брони. В одной латной перчатке воительница держала щит крестоносца, размером почти с неё саму. Подобную тяжесть, дополненную весом меча в другой руке, она могла поднять лишь благодаря серебряному силовому доспеху, увешанному печатями чистоты, цепями благочестия и святыми пергаменами. Громадное лезвие оружия защитницы веры, потрескивавшее разрядами энергии из невидимого источника, покрывали миниатюрные набожные письма.

Подойдя вплотную, отец Люмеон обнаружил, что меч направлен прямо на них.

Священник поднял висевший у него на шее образ аквилы, цепочка которого одновременно служила чётками. Каждая из бусин представляла собой обработанную костяшку пальцев имперского святого, поэтому подвеска одновременно являлась знаком положения отца Люмеона и могущественным символом веры.

— Именем Императора, я должен немедленно поговорить с канониссой Игнацией. Дело крайней важности.

Легкий наклон внушительного шлема крестоносца позволил понять, что она рассматривает Евангелину, съёжившуюся рядом с отцом Люмеоном. Какое-то время воительница не двигалась, и почтенный священник испугался, что она собирается зарубить их обоих.

Повинуясь неслышной команде, взрывозащитные двери за спиной защитницы веры отворились, будто расколотые ударом невидимой молнии. Опустив меч, воительница отступила в дымку, образовавшуюся из-за разницы в давлении внутри и снаружи врат.

Утерев лоб рукавом, отец Люмеон вновь потащил Евангелину за собой, зная, что к утру у него прибавится седых волос на висках.

Вой сирен оповещения заставил их остановиться на полушаге.

В бастионе-монастыре поднялась тревога.

— Уже началось... — выдохнул священник.

Грохот тяжелых сапог приближавшихся к ним воинов разнесся по коридору. Канонисса Игнация собирала своих бойцов.

Гробница IV оказалась под ударом врага.

Шла массовая эвакуация, и флотилии судов – лихтеров, круизных ковчегов, быстроходных яхт, клиперов и десантно-штурмовых кораблей – уносились с поверхности целыми стаями, словно мошки, спасающиеся от лесного пожара. Оставшимся на земле, тем, кто не обладал челноками, способными доставить их к висевшим на орбите звездолетам, предстояло убежать на своих двоих. Толпы людей запрудили дороги, некоторые из них жались друг к другу, ища поддержки, прочие кричали, требуя освободить проход. Хозяева немногочисленных пассажирских шагоходов или полугусеничных транспортников вскоре так же безнадежно застряли в давке, как и пешие беженцы. Отчаянные гудки их машин напоминали стоны обреченных на гибель.

— Полный хаос, — Цуган не смог удержаться от презрительной улыбки, блеснувшей на чёрном лице. Не темнокожем, но истинно чёрном, словно оникс, и таком же твердом. Алый шип бороды торчал из

подбородка воина, словно указующий перст обвинителя, пока он наблюдал за толпой через одну из смотровых щелей «Неумолимого».

— Они хотят выжить, — глубокий голос Претора звучал спокойно, но его не мог заглушить даже рёв двигателей «Громоваго ястреба».

— Дорожить собственной жизнью - не такая уж большая слабость, — прибавил он, догадываясь, о чем думают остальные космодесантники.

Цу'ган повернулся, и скрытые сервоприводы терминаторской брони, жужжа и пощелкивая, помогли ему сместить громоздкое тело. Красные глаза воина пылали в сумраке отсека. Движения в тяжеловесном доспехе давались не без труда, но Цу'ган, превыше всего ценивший силу, оставался доволен возросшей мощью.

Он окинул взглядом остальных воинов отделения.

Анкар и Кай'ру стояли неподвижно, словно почетные стражи. Грав-фиксаторы пришлось расширить, чтобы застегнуть страховочное снаряжение на их могучих телах.

Гатиму, «копье», помазывал пеплом тяжелый огнемёт. Проведя широкую черту пальцем в латной перчатке, он изобразил на конце полосы голову змия. Стилизованный рисунок обозначал Калимара, создание, сраженное воином у подножия горы Смертного Огня, шкуру которого он теперь носил, словно мантию, на левом наплечнике. О, сколь собранно, сколь сосредоточенно вел себя Гатиму.

Претор, сержант отделения, ветеран более чем сотни кампаний и герой ордена. Не считая Цу'гана, он оставался единственным, кто ещё не надел шлем. На лице и голове Претора не было ни единого волоска, кожа сверкала, отполированная до зеркального блеска его жрецом-клеймовщиком. Шрамы на щеке и три платиновых штифта выслуги лет над левой бровью являлись знаками долгой, почетной службы, как и терминаторский доспех сержанта, украшенный изысканнее брони Цу'гана. Его пластины, отделанные мастером-оружейником, скрывались под геральдическими символами змиевых голов и позолоченных лавровых венков. Накидка из шкуры саламандры спускалась с плеч почти до самого пола.

Претор неласково глянул в ответ.

— Надень фиксаторы, брат. Не так уж долго осталось.

Повинуясь, Цу'ган занял свое место, по-прежнему находя непривычными ощущения от ходьбы в тактической дредноутской броне. Впрочем, он расслабился, как только опустились толстые металлические захваты, зафиксировав доспех магнитными замками.

Эти люди - сверхлюди - были его братьями. Не по крови, а по битве, и узы, скованные в кузне Вулкана, соединяли их крепче адамантия. Все они - Саламандры, Огнерожденные воины, и даже больше того. Братья принадлежали к Первой роте ордена, свидетельством чему служила их могучая броня и гордая геральдика на ней.

Все они - Огненные Змии.

Когда Претор наклонился вперед, выглядывая в смотровую щель, на его зелёный терминаторский доспех снаружи упал луч света, окрашивая броню в мрачно-лиловый цвет.

— Небо красное, словно кровь.

— И всё же мы бросаем вызов врагу, встречая прилив грудью, — Гатиму закончил ритуал и поднял голову, глядя на Цу'гана через безучастные линзы визора. Его шлем, украшенный зубами змиев, напоминал оскаленную пасть. — Расслабь мышцы, проделай несколько обычных предбоевых упражнений. Это поможет.

— Я готов, — отрезал Цу'ган, чуть быстрее, чем нужно.

— Ты ещё не закален, — в ровном голосе Гатиму не прозвучало и намека на оскорбление.

Цу'ган прикусил язык. Повернувшись к смотровой щели, он вновь увидел красное небо мира-святыни, заполненное плотными, насыщенными кровью облаками. Когда десантно-штурмовой корабль прорывался сквозь них, на корпусе оставались багровые пятна, а с краев фюзеляжа стекали клейкие телесные соки. Облака словно набрасывались на «Неумолимого», как и на суда беженцев, спасающихся от битвы в надежде обрести избавление на низкой орбите.

Вражеский флот уже начинал блокаду планеты. Противник намеревался вырезать все население этого мира, принеся славную жертву своему кровожадному владыке, и вскоре никому не удастся покинуть Гробницу IV живым. В такой обстановке миссия Саламандр приобретала определенную... срочность, которую Цу'ган прочувствовал ещё сильнее, выглянув наружу.

Горизонт пылал, озаряя кроваво-красным светом развалины храмов и кафедральных соборов. Горящие колокольни сгибались перед падением, словно сломанные пальцы, тянущиеся к земле. Груды трупов лежали в руинах обрушившихся мостов, и в небе сверкали отблески взрывов, признаки далеких воздушных боев.

Думая о битвах, в которых ему не суждено сразиться, Цу'ган сжал силовой кулак, заставляя сервоприводы брони взвизгивать. Он увидел достаточно. Вновь оглядев десантный отсек, воин заметил, что боевые братья раздосадованы не меньше его.

На Гробницу IV пришла Красная Ярость, кровожадность которой непросто одолеть.

Рёв форсажных камер возвестил об их прибытии, и как только «Неумолимый» коснулся посадочной платформы, выдвинулись стыковочные стойки. Саламандры высадились через хвостовой люк, гиганты в зелёной броне, шествующие через облака пара.

Их встречала представительница Экклезиархии вместе с ещё двумя Сестрами Битвы. Потоки воздуха от работающих на половинной мощности двигателей «Громого ястреба» разведали её белые волосы. Открывавшийся под ними грубый шрам делал выражение лица женщины ещё более жёстким.

Несмотря на то, что все трое принадлежали к Ордену Ревностного Покрова, к внешнему виду фанатичных воительниц подошло бы более грозное название. Серебряные шипы покрывали их выкрашенные в белый цвет силовые доспехи, бронированные корсажи плотно облегли напряженные мускулистые тела. Облачение воительниц приходилось родственным тому, в котором выступали на битву братья Огненных Змиев из прочих рот, боевых и резервных. Конечно, доспехи Сестер Битвы уступали в мощи броне космодесантников, но все же были вполне эффективными. Их украшали символы веры — печати чистоты, подвески розариусов и образки Императорской аквилы, воплощения ревностности и чистоты целей воительниц. Болтеры они держали у бедер, опущенными вниз, а старшая сестра, помимо этого, была вооружена ребристой силовой палицей. Её серебристый шлем висел на магнитном замке чуть ниже талии.

Какая бы из армий Хаоса не обрушилась на Гробницу IV, она оказалась поистине могучей, если даже эти защитницы веры не смогли одолеть врага.

Претор уважительно склонил голову перед Сестрами Битвы. Ветеран-сержант знал, насколько непросто им или высшим чинам Экклезиархии далась просьба о помощи, и не собирался всё усложнять.

Беловолосая старшая сестра кивнула в ответ и, повернувшись спиной к Саламандрам, зашагала от посадочной платформы к толстой стене укрепленного периметра, обтянутой сверху колючей проволокой. Она не произнесла ни слова, подразумевая, что космодесантники последуют за ней. Две сторожевые вышки, оснащенные тяжелыми болтерами, с обеих сторон охраняли укрепленные ворота, единственный выход за линию обороны. Суровые женские лица, по выражениям которых нельзя было определить настроение воительниц, наблюдали за Саламандрами.

Посадочный комплекс, похоже, также служил казармой и часовней. Правда, как заметил Цу'ган, большая часть религиозных украшений исчезла со стен здания и подходов к нему, сменившись пластинами аблятивной брони, мешками с песком и баррикадами из скалобетона. Всё, имевшее значение для веры воительниц Ордена, пропало, оставив после себя лишь светлое пятно на стене или опустевшую нишу. Корабли, бегущие с планеты, спасали не только людей, но и святыни Экклезиархии.

— Меня на Фенресе теплее встречали, — тихо произнес Кай'ру.

Быстрый взгляд Претора заставил воина умолкнуть, и отделение направилось к воротам.

Цу'ган не мог не согласиться с боевым братом – ледяным ветром повеяло на него от Ордена Ревностного Покрова, и белизна брони его сестер напоминала об инее. В груди Саламандр, идущих на битву, пылал огонь, эти же девы-воительницы словно обросли ледяными шипами.

Как только отделение сошло с посадочной платформы, Претор решил немного просветить братьев по закрытому вокс-каналу.

++Воспользуйтесь здравым смыслом, что даровал вам отец Вулкан. Сестры этого Ордена немы, они не могли бы приветствовать нас, даже если бы захотели.++

Кай'ру решил, что и про него теперь можно так сказать.

— *Не слова, а дела сплетаются в речь ангелов,* — процитировал Гатиму фразу из какого-то философского трактата. Он любил подобное чтение.

Прежде чем кто-то успел ответить, два огнемётных танка «Испепелитель» подались назад от стены, уступая дорогу Саламандрам. Установленные на их турелях орудия «Инферно» вращались, оставаясь все время направленными на ворота, и одним движением пальца стрелки могли затопить проход наружу реками пылающего прометия.

Со скрежетом невидимых шестерней створки отошли друг от друга и разъехались в стороны. За ними открылась картина резни, которую космодесантники уже наблюдали с воздуха – груды изувеченных тел и обгоревшие остовы танков. Гробница IV превратилась в мир теней и развалин, планету выжженной почвы и воздуха, опоганенного кровью. Неподалеку, в опустевших руинах базилики, до сих пор плясали языки пламени.

Несколько Сестер Битвы заняли позиции у ворот, наведя болтеры на простреливаемую зону перед ними.

Старшая сестра выжидающе посмотрела на Претора – ей явно хотелось поскорее запечатать проход в

укрепленный периметр.

Доспех Цу'гана не засек поблизости ни одного врага, и воин нахмурился под шлемом, решив, что воительницей управляет страх.

По страху ты узнаешь слабого.

— Аве Император, — услышал он слова Претора, обращенные к Сестре Битвы.

Она отсалютовала в ответ, ударив по наплечнику кулаком в латной перчатке, и сержант Саламандр вывел Огненных Змиев наружу.

Слова - не дела.

Как только воины оказались на улице, створки ворот сдвинулись вновь, но Сестры Битвы на сторожевых вышках по-прежнему наблюдали за космодесантниками. Кожа на шее Цу'гана зудела, воин чувствовал, как на него смотрят в прицелы тяжелых болтеров.

Его мысли прервала короткая вспышка прометия из тяжелого огнемёта Гатиму, проверявшего работу запальной горелки.

— Здесь воняет смертью, — заметил боевой брат.

По прикидкам Цу'гана, вокруг защитного периметра лежало более тысячи тел.

— Но ведь сейчас битва идет в другом месте?

— В бастионе-монастыре, — Претор надел боевой шлем и сверялся со строчками данных, бегущими по левой линзе. — Куда мы и направляемся.

Топографические схемы и географические карты проносились перед зрачком сержанта на высокой скорости, но его оккулоб мгновенно поглощал информацию и сохранял её в эйдетической памяти сержанта для последующего использования. Проложив маршрут к бастиону-монастырю, Претор завершил подготовку к миссии и вывел отделение на участок открытой местности.

— Скольких они потеряли, пытаюсь пробиться туда? — спросил Анкар, занимая место в ритуальном круге боевых братьев.

Претор помедлил, вызывая движением зрачка нужные данные.

— Около четверти гарнизона, всего более тысячи Сестер Битвы. Хотя мне кажется, что это заниженная оценка.

— А как обстановка внутри, кто защищает сам бастион?

— В основном сестры-целестинки, несколько сотен воительниц внутри, чуть больше удерживают позиции за стенами. Обороняются стойко... пока что.

— Так много бессмысленных потерь, — заметил Кай'ру. — Неудивительно, что Сестры здорово удручены.

Сервоприводы брони Цу'гана воинственно зарычали, когда он шагнул к Претору, настрой доспеха отвечал тому, что происходило в душе воина.

— Этим дурам, неважно, немые они или нет, стоило призвать нас раньше.

Ему ответил стоявший рядом Гатиму.

— Скажи, брат, а ты смог бы переступить через собственную гордость? Решился бы позвать на помощь?

— Нам никто не нужен, мы - Адептус Астартес, — Цу'ган тяжело прошагал на свое место рядом с сержантом. Его неуверенная походка бросалась в глаза всем, и особенно Гатиму.

— Гнев отягощает тебя даже сильнее, чем доспех. Изгони его.

«*Это не гнев*», подумал Цу'ган. «*Это ненависть*».

И она засела в его теле, там, куда не смогли бы добраться пруты жреца-клеймовщика, сколь глубоко бы воин не требовал выжигать плоть. Всё бесполезно, если ненависть и гнев ушли внутрь тебя...

Позади Саламандр прозвучал рев двигателей, известивший о том, что «Неумолимый» оторвался от посадочной платформы. Десантно-штурмовой корабль доставил их так близко к бастиону-монастырю, насколько это было возможно без риска попасть в зону действия вражеских зениток. Обгорелые остовы нескольких транспортников Экклезиархии лежали за укрепленным периметром, лишней раз подтверждая правильность решения о пешем продвижении в зону операции. Спешка, с которой терминаторы отправились к Гробнице IV, не позволила подготовить иной способ высадки.

— Итак, мы остались одни, — Кай'ру поднял голову, провожая взглядом медленно растворяющийся в небе «Громовой ястреб». Корабль направлялся в планетарный космопорт, где ему предстояло принимать участие в эвакуации населения вплоть до новых распоряжений Претора.

— Брат, в конце мы всегда остаемся одни, — философски ответил Гатиму.

Претор повернулся к нему, видя, что все Саламандры заняли места в ритуальном круге.

— Возжигай пламя.

Струя из тяжелого огнемёта Гатиму вознеслась над пустырем яркой колонной, напоминающей факел маяка.

— Огонь Вулкана пылает в моей груди, — речитативом произнес Претор.

— Им я смету врагов Императора, — хором ответили они, помещая ладони в пламя. Воины подождали, пока горящий прометий зачернит кончики пальцев латных перчаток, и лишь затем убрали руки.

— Мы рождены в огне и отправляемся на войну, сжимая пламя в бронированном кулаке, — продолжил сержант.

— На наковальню! — взревели терминаторы.

Претор воздел громовой молот и штормовой щит.

— Огненные Змии! Во имя Вулкана - вперед!

Разорвав ритуальный круг, Саламандры перестроились в боевой порядок - Претор шел во главе отряда, остальные сформировали квадрат за его спиной.

Счетчик расстояния на линзах визора Цу'гана указывал, что до бастиона-монастыря осталось десять километров. Территория между ними и целью служила полем битвы между подразделениями Экклезиархии и вражескими отрядами. Война оказалась совсем рядом, терминаторы никак не могли

разминуться с ней на своем пути.

Их ждал долгий путь.

Евангелина молилась в одном из святилищ бастиона-монастыря, стоя на коленях у образа покровительницы её Ордена, святой мученицы Сестры Утраксийской. Окружавшие девушку целестинки в серебристой броне держали болтеры наготове, и, несмотря на свой статус элитных бойцов и боевой опыт, явно нервничали.

В дальнем углу небольшого помещения отец Люмеон беседовал с канониссой Игнацией. Как и сестры-целестинки, принадлежавшие к её личной гвардии, воительница носила серебристый доспех, хотя и более вычурно украшенный. На бедре Игнации, рядом со шлемом, покоился в ножнах древний силовой меч, а с пояса на жемчужных подвесках-чётках свисали кадила, наполненные маслами, и книга священных текстов. Лицо канониссы, покрытое боевыми шрамами, напоминало карту земель, в которых она завоевывала воинскую славу.

Отец Люмеон казался спокойным, но то, как он теребил пальцами ожерелье с аквилой, выдавало внутреннее напряжение.

— Мы можем спрятаться.

Игнация посмотрела на него, сузив глаза.

— В часовне Священного Убежища, — добавил священник.

Канонисса покачала головой. Предложение скрыться прозвучало для неё, словно анафема, воительница планировала выждать, продолжая бой. Возможно, благодаря подкреплениям в лице космодесантников им удастся прорваться к десантно-штурмовым кораблям.

В припадке раздражения отец Люмеон махнул рукой в сторону Евангелины и образа Сестры Утраксийской. В раке, по форме напоминающей гроб, хранилась фаланга пальца великомученицы, и наиболее истово верующие утверждали, что некая духовная сущность до сих пор пребывает в окостенелых мощах.

— Святыню нужно забрать отсюда, нельзя допустить, чтобы она попала к врагу. Прямо сейчас отступники разыскивают её!

Игнация уже собиралась обрушиться на священника с укоряющими жестами, но тот покаянно поднял руку.

— Наши силы тают с каждой минутой. Скоро никого не останется, и запертые ворота ненадолго задержат армии Губительных Сил. Но Адептус Астартес уже близко, канонисса.

Она нахмурилась в ответ, ещё горделивее прежнего.

— Спрятавшись, мы сумеем выиграть какое-то время. Возможно...

Лязгающий грохот, раздавшийся от удара Игнации кулаком в стену, оборвал отца Люмеона на полуслове. Судя по всему, в языке жестов не нашлось подходящего знака, чтобы точно выразить мнение канониссы по поводу его предложения.

Евангелина продолжала молиться, не обратив внимания на громкий звук. Как учили старшие сестры-госпитальеры, она сохраняла спокойствие, обращаясь к душевному равновесию.

«Из гнева вырастает лишь новый гнев. Только смиренный разум способен понять наставления свыше. Из безмятежности рождается истина».

Прежде, чем канонисса зашла ещё дальше, двое воительниц-крестоносцев, явившихся с внешних стен бастиона-монастыря, остановились в дверном проходе святилища, защищенном силовым полем.

Обе вестовых сняли шлемы в присутствии святой госпожи, и по выражению их лиц стало понятно, что новости с передовой не самые лучшие.

Цепи стянули торс чернокнижника, заставляя очнуться. Железные звенья сияли, раскалившись добела, и впивались клыками невыносимой боли в обнаженное тело, там, где с него сняли силовую броню. Если бы не усовершенствованный организм колдуна, тот бы уже скончался от мук.

Дреггор, военачальник Красной Ярости, понимал это, как и то, насколько сильно можно измываться над пленником. Настоящий тиран и кровожадный мясник, он, тем не менее, всегда мыслил здраво. Как и владыка Кхорн, Дреггор ненавидел колдовство и носил ошейник из чёрного железа, отвращавший магию, но при этом порой использовал чернокнижников для достижения собственных целей.

Девы-сучки Ложного Императора по-прежнему удерживали линию обороны, противостояв легионам Красной Ярости. Сколько бы воинов Дреггор не бросал на их позиции, злобные шлюхи не отступали, защищая то, что хранилось внутри их омерзительного капища, то, о чем проврал колдун после того, как дело дошло до раскаленных ножей. То, чего жаждал Кхорн. Военачальник не мог подвести своего повелителя, одарившего его армадой кораблей и поручением воздвигнуть кровавое царство на костях всего субсектора. Семь миров уже сгорели в огне багряного крестового похода, оставался лишь один...

Око Богов обратилось на Хагтаха Дреггора, и он ощущал этот взгляд, ласку бритвенных лезвий под измененной кожей.

На выгоревших развалинах одной из часовен под его присмотром устроили арену. На её окровавленном полу валялись, словно обглоданные кости, остатки реликвариев, когда-то хранивших память тысячелетий. Бесценные статуи имперских святых, обезглавленные и разбитые, лежали среди осколков дивных витражей. Кровь невинных жертв покрывала стены часовни, вытекая из тел, насаженных на адские моленные шипы. Завершала картину начерченная на арене звезда Хаоса, у каждого из восьми окончаний которой лежал недавно освежеванный череп.

Внутри неё сейчас сражались на цепных мечах два чемпиона Дреггора, облаченные в кроваво-алые силовые доспехи, украшенные бронзовой гравировкой. Усиленные сочленения между пластинами брони напоминали чёрные власяницы, а лицевые щитки, в знак почитания Бога Крови, изображали оскаленные черепа.

Собственный шлем Дреггора был выполнен в форме головы рычащей гончей, воплощая в темном железе отражение одной из многочисленных форм его господина. Из левого виска торчал одинокий медный рог. Броню военачальника, посеченную во множестве битв, усеивали шипы и крючья, а с протянутых между пластинами цепей свисали восемь черепов – память о самых значительных убийствах на службе Кхорну. Для описания менее важных «достижений» Дреггор прибегнул к резьбе на кости, но их оказалось так много, что каждому мертвому врагу соответствовала всего лишь кривая царапина, оставленная рукой

психопата. Ребра убитых военачальник вставлял в наручи, а зубы хищных чужаков щерились с облаченных в латные перчатки кулаков Хагтаха.

Повелитель Убийц, Обрыватель Жизней – так звучали лишь два из множества заслуженных титулов Дреггора.

Военачальник внимательно наблюдал за чемпионами, стоя на груде каменных облоков. Из-под развалин до сих пор доносилось блеяние какого-то ничтожества, молящего о милосердной смерти, но Дреггор не обращал на него внимания. Пусть слабые страдают, пусть льется кровь во славу Кхорна.

Его воины неистово сражались, самозабвенно рубя друг друга мечами, и капли пролитой крови шипели, касаясь нечестивого круга. Темная энергия текла по линиям, начерченным Хагтахом на расколотых каменных плитах.

Издав ворчащий звук, один из чемпионов снес цепным клинком голову другого и восторженно взревел, упиваясь победой. Триумфу воина не мешали потоки крови, вытекающей из многочисленных ран под пробоинами в доспехе.

Дреггор улыбнулся под шлемом, зная, что Кхорну понравится столь обильное кровопролитие, и обратил взгляд к скованному чернокнижнику, смиренно наблюдавшему за ним с другого конца арены из железной подвесной клетки.

В глазах военачальника полыхнул огонь, и он кивнул колдуну.

Брызги крови, признак раздавленных внутренних органов, вылетали изо рта чернокнижника, принявшего нараспев читать заклинания. Торжествующий победитель вдруг схватился за грудь и упал на одно колено.

Из столь могучего воина, как Воркхан, получится достойноеместилище.

Темные спирали, напоминающие электрические разряды невысказанного высокого потенциала, с треском обвили арену. Чемпион попытался подняться, но чёрная молния из звезды Хаоса сбила его с ног. Стоило ему попробовать встать во второй раз, как удар темной энергии оказался намного сильнее, и триумфальный рёв Ворхана сменился стоном невыносимой боли. Невзирая на всю силу и стойкость воина, он рухнул на плиты и затрясся в конвульсиях.

— Забери его тело, — произнес Дреггор, словно выплюнул проклятие. — Заключи плоть в машину.

Повинуясь, Кхартак Кровотворенный выкатил на арену комплект созданной в варпе адской брони, скрытый ранее в тени разбитого каменного «трона».

К этому моменту облик чемпиона уже изуродовали изменения, насланные созданием из бездонной тьмы, пробравшимся в его душу. Сущность демона проявлялась в мучениях мутирующей плоти, когтистые лапы и чудовищные образы растягивали кожу, пытаясь вырваться на свободу из вопящего и бьющегося в агонии тела Ворхана.

Кхартак отомкнул грудную клетку доспеха, распахнувшуюся, словно клыкастая пасть. Из неё тут же поползли цепи, напоминавшие жадные щупальца и управляемые дымящимся, плюющим маслом механизмом на спине брони. Разросшиеся сегменты устройства также покрывали сочленения и конечности доспеха-машины.

Крючья на концах цепей впились в охваченного ужасом Ворхана и уволокли вырывающуюся живую

марионетку в железные объятия брони.

Как только грудная клетка машины с грохотом захлопнулась, крики немедленно оборвались, а в прорезях окованного полосами шлема загорелся злобный тусклый свет. Усеянное шипами туловище доспеха, откованное наподобие скелета, содрогнулось, будто сделав первый вдох.

Спрыгнув с шаткого возвышения, Дреггор приземлился напротив демонической машины, расколов каменные плиты.

Военачальник никогда не упускал случая напомнить всем вокруг о своем превосходстве.

— Кто твой господин?

Скрежеща железными сочленениями, чудовище опустилось на одно колено перед Хагтахом и склонило голову.

Дреггор улыбнулся... и с размаху ударил демоническое творение в висок. Даже коленопреклоненное, оно оставалось на голову выше военачальника, но всё равно пошатнулось и, потрясенное, отступило на шаг.

Глаза чудовища полыхнули багряной ненавистью, и его богатый арсенал - острые, шипастые, отточенные орудия гибели, увешанные цепями и залитые машинным маслом - выдвинулись из рук, жажда крови. Дреггор, управляя бушевавшими внутри вихрями ярости и злобы, скормил ему толику собственных чувств, ощущая голод демона, что пожрал изнутри тело чемпиона, но сам оказался рабом механического доспеха. Бившаяся в оковах тварь, дай ей волю, пожрала бы Хагтаха и всех его воинов.

Военачальнику Красной Ярости это пришлось по вкусу. При мысли о том, какую резню способна учинить демоническая машина, улыбка на его лице превратилась в оскал.

— Уничтожь наших врагов. Пролей их кровь. Принеси то, что я ищу.

Улицы Гробницы IV утопали в крови, в развалинах, словно сломанные алебастровые куклы, лежали павшие воительницы Экклезиархии. Выжившие отступали шаг за шагом по когда-то величавым проспектам, скользя в крови и обходя бесчисленные трупы.

Несмотря на всю их непреклонность, защитницы мира-святыни понемногу теряли присутствие духа, проигрывая войну армиям Хаоса. Несколько боевых отделений пытались удерживать позиции на площади Единения в Монасте, столице планеты. Все остальные города к настоящему времени уже оказались в руках врага или опустели после эвакуации населения. Здесь, в Монасте, удар Красной Ярости оказался наиболее мощным, противник перерезал пути отступления защитников Гробницы IV, уничтожил мосты, лишив их подкреплений, и завоевал господство в воздухе. Здесь, в Монасте, они пытались захватить святыню, которой суждено было стать подношением их воинственному богу. Вражеские отряды полностью окружили бастион-монастырь, но пока ещё не прорвались внутрь.

Хотя, как чётко понимал Цу'ган, ждать оставалось недолго.

— Укрупнить изображение.

Разрешение картинки, поступавшей в его оккулоб, немедленно увеличилось.

Он увидел, как Сестра Битвы с непокрытой головой, высоко вздымавшая силовой меч, собирая вокруг себя воительниц, получила ранение в шею. Несколько мгновений спустя она рухнула на землю – масс-реактивный заряд взорвался, пятная белый, как череп, доспех багрянцем крови.

В ответ на её гибель зазвучал непрерывный болтерный огонь.

С неохотой Цу'ган признал, что впечатлен навыками воительниц. Сестры Битвы сформировали длинную стрелковую цепь и удерживали строй, невзирая на потери. На его глазах другая старшая сестра, заняв место павшей, пыталась скоординировать оборону на участке.

Не звучали ни боевые кличи, ни крики боли, что немного... обескураживало. Сначала Цу'ган считал, что молчание воительниц связано с досадой от того, что для спасения святыни им пришлось обратиться за помощью к Адептус Астартес. Теперь его уверенность пошатнулась при виде Сестер Битвы, сражавшихся подобно автоматам.

От врага защитниц мира-святыни отделяли несколько разбитых баррикад из скалобетона и пара обездвиженных танков. Космодесантники-предатели из банды Красной Ярости, доспехи которых отливали артериальной кровью, толпой наступали на них с поднятыми болтерами и цепными мечами. Впереди отступников, словно стая псов, бежали культисты – ублюдки, привезенные хаоситами с собой на могильных кораблях и отчаявшиеся перебежчики, местные жители, обезумевшие в водовороте резни.

Цу'ган презрительно усмехнулся под шлемом.

Слабаки.

++Жду приказов, брат-сержант,++ прозвучал в вокс-канале голос Анкара.

Огненные Змии находились примерно в сотне метров от поля битвы. Проникнув на площадь Единения, терминаторы продвигались вдоль одной из её сторон и вполне могли избежать боестолкновения, продолжив путь к бастиону-монастырю и своей цели.

Претор возжег громовой молот, и разряды энергии с треском обвили оголовье и рукоять оружия, волнуя машинный дух оружия.

— Боевое построение.

Наконец-то в бой! Цу'ган тут же воспрял духом.

Как только Огненные Змии начали наступление, пронесшаяся над площадью ракета вонзилась в борт одного из танков. Детонировали топливные баки, и боевая машина разлетелась на куски, а деву-воительницу, стрелявшую из укрепленного на турели тяжелого болтера, отшвырнуло далеко в сторону, словно камень из пращи. Теперь она лежала на земле, истекая кровью.

Вперед выступили огнемётчицы, утопившие передовые отряды Красной Ярости в пылающих волнах перегретого прометия. Культисты умирали мгновенно, оплывая, словно тонкие свечки в пламени газовой горелки, но космодесантники-предатели оказались далеко не столь уязвимыми целями. Лишь один из них, в объятom огнем доспехе, упал на колено, и воздух вокруг отступника задрожал от жара. Остальные прорвались сквозь стену пламени, и, выступая из клубов дыма, напоминали демонов, рожденных в пылающих глубинах ада. Догорающие остатки прометия, бессильно лизавшие их броню, струились по ветру язычками огня.

Заноса цепные мечи, воющие от кровавой жажды, воины Красной Ярости готовились врубиться в

стрелковую цепь Сестер Битвы, когда с фланга их охватил новый ураган огня, вгрызаясь в тела предателей, не заметивших угрозы.

— В пламя битвы! — Претор, словно облаченный в броню бык, с грохотом несся на космодесантников Хаоса.

За ним следовал Цу'ган, чувствуя, как отдаются в доспехе тяжелые шаги сержанта, а также Кай'ру и Анкара по обеим сторонам от себя. В арьергарде шел Гатиму, без суеты окатывая отступников волнами пламени из тяжелого огнемёта. Цу'ган ощущал и его тоже, видел идент-руну боевого брата на зернистом тактическом экране, наложенном поперек одной из линз шлема.

Три шага вперед - огонь. Три шага вперед - огонь.

О, сколь непреклонно ступал Гатиму.

Бег в терминаторской броне, хоть и давался не без труда, оказался вполне возможным. Поначалу Цу'гану казалось, что даже его улучшенное тело выкладывается на пределе сил, но вскоре воин приноровился. Резкое дыхание Саламандры звучно отдавалось внутри шлема, в желто-оранжевых оптических линзах вырастали силуэты врагов.

Фонтан крови вырвался из черепа космодесантника-предателя, расколотого ударом громового молота. Второго отступника Претор выпотрошил краем штормового щита, оставив глубокую алую рану на животе.

Цу'ган нажал на спусковой крючок штурмболтера, и последовавшее громогласное стакатто разрывов наполнило его сердце праведным гневом.

— Во имя Вулкана! Во славу Прометея!

Новая очередь превратила в кровавые ошметки целую шеренгу культистов, бросившихся наперерез Саламандрам.

Терминаторы проходили через неулучшенных врагов с такой легкостью, словно им вовсе никто не противостоял. Очередной культист превратился в бесформенное месиво под бронированными ногами Анкара. Другой исчез в багряной дымке, разорванный цепным кулаком Кай'ру.

Впереди них Сестры Битвы, воспользовавшись передышкой, сплачивали ряды. Но и к врагу прибывали подкрепления в лице отрядов разорителей с тяжелым вооружением и «Носорога», доставившего ещё одно боевое отделение космодесантников Хаоса. Противники вели непрерывный огонь, и, если терминаторы оставались неуязвимыми для него, то воительницы падали одна за другой, словно скошенные колосья. Прямые попадания разворачивали и отбрасывали их тела, но сестры падали без единого крика, несмотря на страшные раны.

Три танка Экклезиархии в сопровождении двух отделений Сестер Битвы загрохотали вверх по улице, вступая в бой с вражескими подкреплениями. На площади Единения становилось тесно от воинов, ведущих перестрелку на малых дистанциях через небольшие клочки открытой местности. Разрозненные мелта-выстрелы вспыхивали среди развалин, рычали генераторы и тяжелые болтеры ворчливым хором подпевали оркестру войны.

Бой разгорался.

Там, где он шел жарче всего, Огненные Змии оказывали врагу пылкий прием.

Характерный треск керамики, с которым раскалывалась силовая броня, ознаменовал гибель очередного предателя, убитого ударом Цу'гана. На его место тут же встал другой, в упор стреляя из комбиболтера в туловище Саламандры, но эти жалкие комариные укусы лишь раздражали терминатора.

Силовой кулак Цу'гана превратил отступника в кровавую кашу.

Воодушевленные прибытием бронетехники, Сестры Битвы выступили из-под защиты баррикад и соединились с космодесантниками. Гатиму догнал боевых братьев и тут же окатил «Носорог» хаоситов горящим прометием, оплавив гусеницы и сильно опалив корпус. Поврежденный БТР резко остановился.

Не сбавляя напора, Гатиму продолжал поливать обожженный «Носорог» огнем. Скрытые в клубах дыма воины Красной Ярости выбирались из люков, но вскоре раздался низкий грохот – произошел взрыв боекомплекта, выбивший дверь десантного отделения в облаке пламени.

Резкий свет дульных вспышек штурмболтера озарил доспех Цу'гана. Уже охваченные огнем космодесантники-предатели, выбравшиеся из бронетранспортера, сгибались и дергались под градом масс-реактивных зарядов. Трое врагов уцелели – даже шатаясь от попаданий, они оставались в живых под защитой силовой брони.

Их тут же атаковал Претор, и громовой молот сержанта безжалостно сокрушил отступников одного за другим.

Приободрившиеся воительницы опередили более медлительных терминаторов и организовали новую огневую точку за пределами площади Единения. Свежие отделения выдвигались с проспектов, обрамленных разрушенными храмами и рухнувшими шпилями, к образованному руинами коридору, в который отступали под их напором отряды Красной Ярости.

Цу'ган обратил внимание на то, как виденная им ранее старшая сестра кратко поклонилась сержанту перед тем, как продолжить наступление.

Мгновение спустя в вокс-канале раздался голос Претора.

++Огнерожденные, к моей позиции.++

Подтверждающие руны одна за другой вспыхнули на тактическом экране Цу'гана, и воины отделения собрались возле сержанта.

++Наступаем?++ Кай'ру явно хотел продолжить бой, и не он один. Цу'ган тоже готовился последовать за союзницами, но Претор остановил их.

++Держать позицию.++

++Брат-сержант...++

Гатиму прервал Цу'гана прежде, чем тот сделал ошибку, о которой потом бы пожалел.

— Подожди, брат. Ещё ничего не кончено.

Увидев, куда смотрит другой Огненный Змий, Цу'ган тоже перевел взгляд на два «Испепелителя», возглавлявших контрнаступление сил Экклезиархии. Их пушки «Инферно» обладали малым радиусом действия, но на смертоносность орудий это не влияло, и, изрыгая сгустки высокотемпературного пламени, они расчищали дорогу девам-воительницам. Часть сестер следовали за танками внутри

«Носорога», остальные ехали на броне, одной рукой держась за поручни и сжимая болтер в другой.

Прищуриив глаза, Цу'ган посмотрел вдаль. Оккулоб Саламандры, очистив зернистые помехи, сделал изображение чётким, невзирая на расстояние и марево над «Испепелителями». Нечто приближалось к площади, приветствуемое воплями обезумевших от крови культистов. Вокруг него собирались отступавшие разорители, понесшие серьезные потери, и немногочисленные уцелевшие космодесантники-предатели из первой волны.

++Мощный тепловой след, брат-сержант.++

Невозмутимый Гатиму казался скрытым клинком абсолютного спокойствия рядом с купелью безоглядного гнева Цу'гана.

++Визжу.++

На визоре Цу'гана все настойчивее моргали обозначения угроз.

++Напоминает какую-то боевую машину. Дредноут?++

Целеуказатель Огненного Змия навелся на неизвестный объект. Показания дальномера, выведенные на тактический экран, быстро убывали.

Враг ускорился, и стало ясно, что это не дредноут.

Раздался резкий раздражающий звук – Анкар перезарядил штурмболтер.

++Адептус Астартес?++

Претор собирался ответить, но в этот момент издали донесся отчетливый, хотя и приглушенный стук металла о металл. Мгновение спустя в небе возникла какая-то темная громадина, падающая прямо на Огненных Змиев, и Цу'ган не сразу узнал в ней один из «Испепелителей».

++Рассыпаться!++ проревел Претор, но терминаторы уже и сами грузно ринулись в разные стороны.

Объятые пламенем куски танка рухнули среди них, словно осколки гигантского снаряда. Боевую машину буквально разорвали на части.

++За мной, братья, вперед!++ сержант быстро обогнул обломки, преодолевая тяжесть доспеха силой могучих мышц.

Оказавшийся прямо позади него Цу'ган двигался заметно медленнее.

—Что это за штуковина?

Создание напоминало комплект моторизованной брони, по очертаниям схожий с человеческой фигурой. Некогда подобные ему боевые машины сражались в рядах давно не существующего Легио Кибернетика. Но, хотя существо обладало поршнями и шестернями, колесами и цепными передачами, испускало пар и брызгало машинным маслом, словно поезд маглева, роботом оно точно не было. Цу'ган чувствовал внутри создания нечто живое и дышащее, заточенное в узилище из темного железа.

— Оно противоестественно... — голос Гатиму казался почти встревоженным. — Одержимо.

Вспомнив о демоне, приложившем руку к смерти Ко'тана Кадая, его прежнего капитана, Цу'ган стиснул зубы. С растущей яростью Огненный Змий поклялся, что изгонит эту тварь обратно в варп до того, как

та сумеет погубить кого-то из боевых братьев.

Чуть впереди Сестры Битвы обрушивали на демоническую машину всю имевшуюся огневую мощь, но болтерные заряды и даже выстрелы из мелт не причиняли врагу никакого вреда. В ответ одержимое создание протаранило плечом второй «Испепелитель», и танк, смявшись, словно лист пергамента, исчез в огненном шаре детонировавшего боекомплекта и топливных баков. Даже Цу'ган ощутил тепловую волну взрыва.

— Клянусь Императором... Крепкая тварь.

Претор медленно, но уверенно покачивал громовым молотом.

++Мы крепче.++

Неудержимая демоническая машина разбрасывала Сестер Битвы, словно марионеток с перерезанными нитями, и тела в белых доспехах, выпотрошенные клинками и пилами, падали на площадь, будто капли дождя.

Перед тем, как Огненные Змии бросились в атаку, Цу'ган услышал тихие слова сержанта.

++Вулкан, направь меня в сей роковой час.++

Вблизи массивный адский механизм вонял кровью и машинным маслом, врага окутывала завеса клубов дыма и волн жара, выпускаемых темным железом его плоти. Но лишь глаза чудовища по-настоящему привлекли внимание Цу'гана – с каждым ударом ширящейся резни они светились всё ярче, разгораясь злобным огнём.

Претор взмахнул рукой, и небеса словно расколола молния, когда оголовье громового молота соприкоснулось с целью. Хотя Цу'ган ждал, что демоническая машина рухнет от удара, случилось иное, и боевой клич сержанта, отброшенного на несколько метров в сторону, сменился ревом мучительной боли.

Увидев, как оказался посрамлен могучий Претор, Огненные Змии поколебались.

Первым стряхнул неуверенность Кай'ру. Опередив Цу'гана, он всадил цепной кулак в туловище врага.

— Испытай ярость Вулкана, порождение вар...

Проклятие застыло на губах Саламандры, когда один из адских клинков демонической машины вскрыл терминаторскую броню, словно жестянку. Ошеломленный Кай'ру мог лишь бессильно наблюдать, как зубья цепного меча перемалывают его внутренности.

Гатиму рванулся вперед, выкрикивая имя боевого брата со звучащей в голосе мукой. Перед дульным срезом его тяжелого огнемёта уже вспыхнула запальная горелка, но в этот миг чудовище, повернув к терминатору установленное на запястье орудие, дало залп. Десятки бронебойных зарядов, объятых адским пламенем, изрешетили доспех Гатиму и взорвали резервуары с прометием у него на спине.

Ослепленному внезапной вспышкой Цу'гану пришлось ждать несколько секунд, прежде чем оккулоб исправил положение. Гатиму пылал, лежа на земле.

++Анкар.++

Другой Огненный Змий кивнул, понимая, что они должны атаковать врага с двух сторон. Когда до

демонической машины, судя по дальномеру тактического экрана, оставалось пять метров, на одной из линз визора вспыхнул символ входящей передачи. Сообщение, опознанное как имперское и снабженное кодом срочности, развернулось в рунный текст.

«Внимание! Отступить на пять метров. Приготовиться к удару».

Над головами Саламандр раздался пронзительный визг. Отступать было поздно, Цу'ган и Анкар лишь приняли защитные стойки перед самым попаданием ракеты, которая угодила точно в чудовище, скрывшееся за стеной огня и осколков.

Взрывная волна захлестнула терминаторов, но те выдержали удар, словно утёсы, противостоящие приливу. Как только улеглась пыль, Огненные Змии увидели демоническую машину, припавшую к земле почти в полусотне метров от них, но по-прежнему невредимую. Чудовище медленно выпрямилось, и его мертвые глаза запылали ещё ярче.

За спинами Саламандр наступали крупные силы воительниц Экклезиархии. Из верхнего люка «Экзорциста», больше напоминавшего гротескный передвижной орган, нежели боевую машину, появилась старшая сестра с суровым лицом. Автозагрузчики танка, странный вид которого не сказывался на огневых возможностях, готовили новый ракетный залп.

По флангам «Экзорциста» двигалась новая пара «Испепелителей», выпуская грохочущие очереди из тяжелых болтеров на турелях. Высокоскоростные масс-реактивные заряды с ревом прошивали воздух между бронетехникой и демонической машиной, но на её корпусе не оставалось и следа от многочисленных кучных попаданий. Три танка прокатились мимо Саламандр, намереваясь заблокировать врага, и за ними, рыча двигателями, спешили два полностью загруженных десантом «Носорога».

— Позаботьтесь о боевом брате, — приказал поднявшийся на ноги Претор. Сорвав разбитый шлем, окровавленный ветеран-сержант покачнулся, все ещё не придя в себя после удара. Казалось невероятным, что он выжил, не говоря уже о том, что мог стоять. Видя, что подчиненные медлят, Претор сердито глянул на них.

— Помогите Гатиму подняться.

С некоторым усилием Анкар и Цу'ган подняли боевого брата на ноги. Несмотря на то, что закопченный доспех Огненного Змия оказался пробитым во множестве мест, Гатиму кивнул, давая знак, что готов сражаться.

— Как мы убьем *это*? — Цу'ган вновь рвался в бой.

— Мы? Никак.

— Но брат Кай'ру...

— Погиб, — с мрачным лицом прервал его Претор. Решение далось сержанту непросто. — Отправляемся к бастиону-монастырю. Используем шанс, который дали нам союзницы.

Он указал на яростно сражавшихся и умиравших Сестер Битвы.

Непонимание и гнев смешались в пылающих глазах Цу'гана.

— А как же отмщение? Смерть павшего брата требует воздаяния!

— Я убью тебя на месте, если не будешь повиноваться приказам, — прорычал Претор, указывая на Цу'гана громовым молотом. Повернувшись спиной, ветеран ордена зашагал прочь. — За мной.

Забывшись, Огненный Змий вновь собирался возразить сержанту, но тут его руки коснулся Гатиму.

— Мы не почтим смерть Кай'ру, погибнув здесь и не исполнив долг. Самопожертвование может быть и духовным, брат.

Ненадолго черты Цу'гана смягчила печаль, но затем лицо воина вновь застыло в маске бессильной ярости.

Огненные Змии покинули поле битвы, направляясь к лежавшему невдалеке бастиону-монастырю. Цу'ган знал, что демоническая машина вскоре пустится за ними в погоню.

Грохот взрывов, доносившихся снаружи, приглушали толстые стены бастиона-монастыря.

Отец Люмеон метался из угла в угол.

Почему стены не кажутся достаточно толстыми?

Игнация так и не вернулась с тех пор, как ушла вместе с крестоносцами. В святилище оставались пятеро целестинок под командованием сестры Климены, и все они нервно вглядывались в глубину длинного коридора, начинавшегося за силовым полем. Мало что удавалось разобрать в полумраке аварийного освещения.

Тени начали расти и соединяться друг с другом в разуме отца Люмеона, и священник отвернулся, чувствуя, как колотится сердце. Ища поддержки, он схватился за образок аквилы.

Евангелина не выказывала подобного беспокойства, по-прежнему стоя на коленях перед ракой, умиротворенная и свободная от сомнений. Хотя губы девушки двигались в молитве, никто не слышал от неё ни слова.

Заметив, что склонившаяся над тактической консолью сестра Климена повернулась в его сторону, отец Люмеон направился к устройству, занимавшему один из углов помещения и выполненному в форме реликвария.

На зернистом пикт-экране демонстрировалась обстановка за стенами бастиона-монастыря. Вспышки болтерных выстрелов то и дело перегружали внешние пиктеры яркими отблесками, засвечивая изображение. Статические помехи от переговоров по вокс-каналам ещё сильнее мешали восприятию, но отец Люмеон видел общую картину с болезненной ясностью. Спасения нет. Все они погибнут здесь. Лишь спасение святыни имеет значение.

Как только четверо облаченных в броню воинов появились на краю изображения, священник забормотал молитву Императору. Хотя Люмеон никогда особенно пристально не изучал Адептус Астартес, он сумел опознать символ Саламандр и немедленно вознес глубокое благодарение.

Несмотря на громоздкую броню, космодесантники быстро продвигались через линии охранения Красной Ярости, разрывая врагов на куски огнем священных болтеров и окатывая гнусные толпы очистительным пламенем. С замиранием сердца отец Люмеон смотрел, как безволосый гигант в сопровождении братьев-воинов огромным молотом пробивает дорогу к воротам. Навстречу из открывшегося в

парапетной стене прохода выступил отряд целестинок, и, как отчаянно хаоситы ни старались прорваться, им это не удалось. Защитницы святыни сражались слишком ожесточенно.

Как только Саламандры зашли внутрь, целестинки отступили вслед за ними и ворота с грохотом захлопнулись. Сестры со сторожевых башен усилили огонь из орудий на поворотных опорах, и боевой танк, выехав в небольшой внешний дворик, навел орудия на закрытый проход.

Тут же затрещал вокс-модуль тактической консоли.

++Говорит сержант Претор из Огненных Змиев, Первой роты Саламандр – подтвердите прием.++

Отец Люмеон взглянул на сестру Климену, которая жестом пригласила его ответить.

В голосе священника звучало почти осязаемое облегчение.

— Господа мои, ваше появление – истинное благословление Императора. Меня зовут отец Люмеон, я верховный священник-миссионер, прикрепленный к Орденам.

++Мы запечатываем внутренние двери.++

Услышав это, Люмеон не смог скрыть удивления.

— Но... Как мы выберемся отсюда? Святыня...

++Всё под контролем. Лучше молитесь, чтобы враг не пробился внутрь.++

Последовала краткая пауза, от которой у священника скрутило кишки.

++Нечто преследует нас. Времени мало. Приготовь святыню, скоро мы присоединимся к вам.++

Вокс-канал отключился, и вновь воцарилась тишина.

Нечто преследует нас.

Нечто.

Слова, повторявшиеся раз за разом в голове отца Люмеона, бросали его в дрожь. Наконец, священник нашел в себе немного храбрости.

— Сестра Евангелина.

Девушка, молившаяся у раки, подняла взгляд.

— Время пришло.

Вздвигнув, силовое поле распалось, пропуская Претора и Огненных Змиев в святилище, но быстро восстановилось за их спинами, насытив воздух озоном и вновь заперев проход.

Цу'ган нахмурился при виде подобной трусости.

— Поле вас не спасет, — заметил ветеран-сержант, глядя сверху вниз на хрупкого пожилого священника.

— Тогда мы в поисках защиты должны положиться на милость Императора.

Если у Претора имелось мнение по этому поводу, воин ничем его не выдал.

— Я - отец Люмеон, — поклонился священник.

Сержант Огненных Змиев кратко и без предисловий изложил суть дела.

— Это телепортационный маяк, — он показал Люмеону небольшое устройство цилиндрической формы, закрепленное на магнитном замке у пояса доспеха. — После наведения на его сигнал корабль ордена перенесет нас и святыню на борт.

На лице Претора читалось сожаление.

— Поле телепортации слишком мало, чтобы вместить и вас. Кроме того, обычным людям не уцелеть во время переноса. Мне искренне жаль.

Отец Люмеон уже смирился с судьбой и не боялся смерти, его беспокоила лишь судьба святыни.

Взгляд сержанта упал на раку Сестры Утраксийской, перед которой стояла на коленях худая послушница.

— Расступитесь, братья.

Загораживавшие проход Огненные Змии отошли в стороны, открывая просвет между Претором и святыней.

— Телепортация всегда сопровождается мощной экзотермической реакцией. Отойдите подальше, а лучше вообще покиньте помещение.

Претор занял позицию для переноса, но, обернувшись, увидел перед собой послушницу, стоявшую с потупленным взором.

— Сестра, я закален в кузне Вулкана и не нуждаюсь в благословении, — сержант отвернулся от неё. — Отец Люмеон, несите святыню. Наше время почти истекло.

Глухие отголоски взрыва, заставившего содрогнуться стены бастиона-монастыря, докатились до святилища. Собравшихся озарил багряный свет тактической консоли - враг прорвался за внешнюю стену.

С места, где стоял Цу'ган, воину открывался хороший обзор на пикт-экран, отображавший последовавшую за прорывом жестокую перестрелку. В урагане резни, среди клубов дыма и болтерного огня, проявились знакомые очертания несокрушимого чудовища, вокруг которого, словно расколотые фарфоровые статуи, падали целестинки.

— Машина уже здесь.

Направляясь к внутренним вратам, создание сеяло смерть в рядах воительниц, сокрушая танки и раскидывая Сестер Битвы. Ни огнемёты, ни мелтаганы не тревожили его. Скорее наоборот, адский механизм вырос, превратившись в настоящего мутирующего великана, сверхъестественная плоть которого пыталась разорвать оковы реальности. Заметив что-то в гуще боя, Цу'ган прищурился, но, прежде чем воин сумел разобрать увиденное, взрыв от случайного попадания оборвал пикт-трансляцию и тактическая консоль отключилась.

Цу'ган и сержант встретились взглядами.

Скоро оно доберется сюда.

Уже сейчас отзвуки тяжелых шагов демонической машины доносились в святилище вдоль коридора, словно глухие удары молотов.

Лицо отца Люмеона оставалось мрачно-торжественным. Никому не суждено выжить, но, если удастся спасти святыню, то жертва окажется не напрасной.

— Поспешите, святой отец.

Люмеон выглядел сконфуженным.

— Но ведь сестра Евангелина перед вами, Астартес. Она и есть святыня.

Тень чего-то, похожего на гнев, скользнула по лицу Претора.

— Не насмехайся надо мной, священник. Если ты обезумел и поддался Хаосу, я уничтожу тебя на месте.

— Евангелина - наша живая святыня! Видение, посланное Императором Земли, пробудило в ней благодать Господню!

Увидев по глазам священника, что тот говорит правду, Претор взмолился Вулкану о даровании сил.

— Тогда у нас проблемы.

— Нет-нет, — замотал головой отец Люмеон. — Вы здесь, чтобы спасти Евангелину, жизни остальных не имеют значения. Вы должны сделать это, господин мой, заклинаю вас!

Не обращая внимания на мольбы священника, сержант повернулся к Огненным Змиям.

— Закрепитесь в коридоре. Огневые точки на всех путях подхода.

Подождав, пока силовое поле вновь отключится, Гатиму и Анкар с грохотом вышли из дверей святилища.

— Астартес, что вы делаете? Наша живая святыня...

— Это девочка, которая не перенесет телепортации на мой корабль, — резко ответил Претор. Он злился не на Люмеона, продолжавшего в отчаянии подталкивать безмятежную послушницу к Саламандре. Сержанта выводила из себя сложившаяся обстановка и то, что они столкнулись с врагом, которого не одолеть силой оружия. Геркулон Претор впервые оказался в подобном тупике.

Отец Люмеон словно съёжился от отчаяния, Евангелина же, напротив, оставалась совершенно умиротворенной, излучая безмятежность и благодать. Это происходило медленно, подспудно, но даже Цу'ган начинал ощущать, как само пребывание рядом с девушкой смягчает его гнев.

Претор, чувствовавший то же самое, хотел коснуться щеки Евангелины, но удержал руку.

— Теперь я вижу, почему Красная Ярость так сильно жаждет овладеть тобой, дитя. Не бойся, ты им не достанешься.

Учитывая, как двусмысленно прозвучали слова воина, отец Люмеон не знал, к добру это сказано или к

худу. Священник искоса глянул в коридор, из которого все громче доносились звуки сражения.

— Что же нам делать?

— Вернуться к раке и молиться вдвоем, — ответил Претор, сурово посмотрев на него.

Цу'ган не мог отвести глаз от сестры Евангелины, вновь опустившейся на колени в молитве. *Какое самообладание, какое спокойствие.* Мир и безмятежность, излучаемые девушкой, одолевали ярость воина, уже очень долго не испытывавшего подобных чувств.

Шум, раздававшийся в коридоре, заметно стих в последние несколько минут, что могло означать лишь одно — сестры-целестинки потерпели поражение.

Вход в святилище окаймляло кольцо мин-растяжек, сделанных из фраг- и крак-гранат Сестер Битвы. Прорвавшись через силовое поле, демоническая машина должна подорваться на них, а Саламандры и опекаемая ими девушка перед этим отступят в заднюю комнату. Сам Цу'ган провел небольшую рекогносцировку окружающих помещений, пройдя по длинной галерее, ведущей из святилища в поперечный неф и далее в часовню. Оттуда расходились многочисленные крытые галереи и выходы в общие спальни, но чудовище рано или поздно отыскало бы их. Значит, там придется принять бой.

Цу'ган не страшился врага, просто не хотел оказаться недостойным в решающий час, и жажда подвергнуться истязанию плоти под прутом жреца-клеймовщика всё сильнее охватывала воина за время обхода. Однако, стоило Цу'гану вернуться в святилище к сестре Евангелине, как мазохистские позывы отступили.

В вокс-канале прозвучал голос Гатиму, вместе с Анкаром занявшего позицию в дальнем конце коридора.

++Оно приближается.++ Грохочущий треск штурмболтера ворвался в канал связи. *++Слава Вулкану и Императору, братья. Иду в атаку.++*

И Гатиму пропал, отправляясь в битву, которую Цу'ган мог себе лишь представить. За ним последовал Анкар.

++На наковальню, братья.++

Даже присутствие Евангелины не могло сдержать ярость Цу'гана, сжавшего силовой кулак.

— Я вырежу их имена на его порожденной адом плоти.

Претор взвесил в руке громовой молот.

— Почти их жертву победой, брат.

Но Цу'ган не думал о практической стороне своих желаний.

— Надеюсь, что благодать этой послушницы стоит крови, пролитой братьями. Мы даже не знаем, почему она так важна для Экклезиархии.

Отец Люмеон, прервав совместную молитву с сестрой Евангелиной, поднялся с колен и подошел к Огненным Змиям.

— Тебе известно, что такое *истинное имя*, Астартес?

— Слабое место демона, слово силы, способное изгнать его в варп.

Люмеон стоял лицом к лицу с Претором.

— Совершенно верно. И сестра Евангелина *знает* истинные имена.

— Что ты имеешь в виду, священник? Говори прямо.

— Оказавшись рядом с демоном, она способна услышать его истинное имя. Евангелина может изгнать порождение варпа одним-единственным словом! Вот почему она столь важна. Вот почему вы должны спасти её.

Лишь присутствие Евангелины не позволило гневу Цу'гана перелиться через край, но воин сорвал шлем, и всё увидели посеревшее от ярости лицо. Претор предупреждающе протянул руку, призывая его успокоиться.

— Жаль, что ты не упомянул об этом раньше, — сержант придвинулся к священнику. — Но как насчет того, что сестра нема? Как она вообще сможет произнести *такое* слово?

Вслед за Огненным Змием посмотрев на Евангелину, отец Люмеон вновь повернулся к сержанту.

— Не нам ставить под сомнение божественную волю Императора. Она просто сможет, я не знаю, как именно.

Претору пришлось ударить Цу'гана кулаком в грудь, чтобы сдержать воина.

— Возвращайтесь к молитве, но будьте готовы к общему отступлению.

Как только священник, сутулясь, вернулся к раке, сержант со вздохом посмотрел на Цу'гана.

— Вулкан, дай нам сил.

— Эту тварь не победить.

— Не нашим оружием, во всяком случае, — поморщился Претор. Он чуть помолчал, размышляя над тактикой последнего боя. — Сдерживаем чудовище так долго, сколько сумеем. Затем делаем *то*, что должно, не позволяя врагу завладеть послушницей. Для какого бы гнусного жертвоприношения отступникам не понадобилась эта девочка, оно окажется намного хуже смерти — для неё и для всего субсектора.

— Я исполню свой долг.

Претор кивнул.

— Если выживем, то я активирую маяк и перенесу нас на корабль.

На тактических экранах Огненных Змиев моргнули и погасли две идент-руны.

Братья Цу'гана погибли. С мрачным лицом воин проверил боекомплект штурмболтера и обнаружил, что зарядов осталось не так уж много. Пока Претор отходил назад, жестами призывая священника и послушницу подняться с колен, Цу'ган прогромыхал на позицию перед силовым полем. Позади него сформировали стрелковую цепь пять целестинок, включая сестру Климену.

Коридор утонул в безмолвии, и на металлических стенах трепетали неясные отблески невидимых огней. Медленно напозлали клубы дыма, накрывавшего пол туманным ковром. Тяжкая поступь демонической машины звучала в унисон с сердцами защитников.

Цу'ган взял на прицел конец коридора.

— Приготовьтесь.

За его спиной лязгнули затворы пяти болтеров.

— Опустить силовое поле, — скомандовал Огненный Змий.

Энергетическая завеса, вздрогнув, рассеялась.

Гигантская тень легла на свинцово-серый пол, и демоническая машина, тяжело ступая, выросла перед ними.

Чудовище намного увеличилось в размере, плоть давила изнутри на механизмы, сковывавшие её, и из трещин в броне сочилась кровь и машинное масло. С каждым шагом создание скребло по полу длинными цепями, исписанными адскими рунами, устройство на его широкой спине изрыгало клубы дыма и пара. Глаза же... глаза пылали гибельным огнем, питавшимся гневом и страхом врагов.

На секунду Цу'ган замешкался.

— Огонь!

Неудержимый ураган болтерных залпов взревел под входной аркой святилища, и несколько мгновений демоническая машина просто выдерживала его, даже пошатывалась от попаданий масс-реактивных зарядов. А затем бросилась в атаку.

Собственная масса замедляла чудовище, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с инерцией покоя, но затем оно понеслось вперед, словно рычащий двигателями боевой танк.

По расчетам Цу'гана, примерно через пять секунд враг должен был оказаться у входа.

— Отступаем в святилище! Быстро!

Силовое поле немедленно включилось вновь, стоило им вбежать внутрь.

Воссоединившись с Претором, Цу'ган уже отступал в длинную галерею, когда демоническая машина достигла входа. Как только чудовище столкнулось с силовым полем, завеса начала с треском растягиваться, вгрызаясь электрическими разрядами в металлический костяк врага. Однако тот, словно пробираясь через полосы липкого света, продолжал двигаться вперед, и силовое поле, словно растянутый донельзя кусок резины, с треском разорвалось. Завеса отключилась в последний раз.

Добежавший до середины галереи Цу'ган открыл огонь из штурмболтера, и в этот момент демоническая машина, переступив порог святилища, задела растяжки.

Из-за тесноты помещения оглушительный взрыв гранат показался особенно мощным, и по обеим сторонам арки выросло дымное облако огня. Отскакивая от брони Цу'гана, осколки вонзались в стены и пол галереи.

Продолжая вести огонь на подавление, Огненный Змий и целестинки отступили в часовню. Ничто не

могло остановить чудовище, взрыв даже не замедлил его.

С пылавшей в глазах праведной яростью три воительницы бросились вперед, стреляя из болтеров в упор. Через несколько секунд порождение ада смело целестинок, разбивая тела сестер о стены часовни.

— Защищай их, брат! — скомандовал Претор. Подняв штормовой щит, сержант пошел в последнюю атаку на приближавшуюся демоническую машину.

Все инстинкты Цу'гана требовали следовать за командиром, но, повинаясь приказу, Огненный Змий прикрыл послушницу и священника своим телом, уводя обоих от битвы. Теперь он оказался последним защитником сестры Евангелины, и та нуждалась в нем.

Планируя замедлить чудовище, а не сокрушить, как в первый раз, Претор намного успешнее держался против адского создания. Тяжеловесная мощь терминаторского доспеха помогала Саламандре, и ветеран-сержант даже смог пробить оборону врага и нанести ему несколько ударов.

Последняя целестинка обстреливала туловище машины до тех пор, пока чудовище не насадило её на адский клинок. Пригвожденная к стене, воительница содрогнулась лишь раз и испустила дух.

Её самопожертвованием сумела воспользоваться во благо сестра Климена, оказавшаяся в слепой зоне адского механизма и прикрепившая к нему мелта-бомбу. Подойдя слишком близко, она угодила в радиус взрыва и поджарилась в собственном доспехе, чудовище же покачнулось, но устояло.

Последним рухнул Претор.

Когда Цу'ган и люди под его защитой почти добрались до выхода из часовни, Огненный Змий увидел, как демоническая машина отбрасывает сержанта в сторону. Сбитый с ног Претор взмыл в воздух и тяжело рухнул, пробив неровную дыру в стене. Вырвавшийся из руки ветерана громовой молот, несколько раз перевернувшись в воздухе, врезался в пол всего лишь в метре от Цу'гана.

Беглецы стояли возле дверей в одну из общих спален, но демоническая машина замедлилась, чувствуя, что жертва поблизости и вот-вот окажется в её клешнях.

Штурмовой болтер Цу'гана опустел. Ему придется сломать девушке шею.

— Закрой глаза.

Тут же Огненный Змий ударил отца Люмеона, тщательно соизмеряя силу, чтобы не убить старика, а просто лишить сознания и возможности протестовать.

— Зажмурься, Евангелина!

Ладонь Цу'гана охватила тонкую шею девушки, пальцы Саламандры ощутили тепло её кожи даже сквозь броню латной перчатки... и замерли. Следующим движением воин толкнул Евангелину в центр часовни, где та, пошатнувшись, рухнула на пол.

Затаскивая отца Люмеона в общую спальню и опуская взрывозащитную дверь, Огненный Змий видел, как демоническая машина приближается к послушнице.

Во имя Вулкана, надеюсь, что это сработает...

Оставшись одна, Евангелина обратилась лицом к чудовищу, и, смирив бешено колотившееся сердце, встала на колени. Девушка начала молиться.

С каждым её безмолвным благодарением порождение варпа, призванное, чтобы принести душу Евангелины в жертву Кхорну, шло все медленнее. Если прежде грубая сила и ярость, напитывавшие демоническую машину, позволяли ей совершать немыслимые деяния, то сейчас каждый шаг давался чудовищу с трудом. Чем ближе создание подходило к Евангелине, там быстрее оно уменьшалось, абсурдно могучая мускулатура истощалась и атрофировалась. Гибельное пламя в глазах начало угасать, словно пламя свечи, лишенное кислорода.

Их окружали стены часовни Священного Убежища, истинной анафемы для гнева и страха. Здесь властвовали мир и безмятежность, и сестра Евангелина воплощала в себе эту неоспоримую истину. Она олицетворяла порядок, противостоящий хаосу, умиротворение, препятствующее гневу. Ни в послушнице, ни в самой часовне не существовало ничего, способного насытить голод демонической машины. Евангелина обезоружила чудовище, и, когда оно достигло девушки, то уже вернулось к изначальному размеру. Над головой создания замерли, не в силах опуститься, поднятые для удара адские лезвия, механизм застыл, словно окаменев, и из щелей между пластин брони струился ихор. Бессильно угасающая ярость унеслась струйками дыма, и гибельное пламя в глазах чудовища почти потухло.

Открылась противозрывная дверь, пропуская Цу'гана, ступавшего с закрытыми глазами. Он чувствовал, как аура Евангелины касается его и овеивает, словно свежий ветер. Протянув руку, воин сомкнул пальцы на рукояти громового молота и без напряжения сил вытащил оголовье из пола. Огненный Змий слышал всё, каждый удар сердца и каждый тихий вздох.

В глазах демонической машины мелькнула искра, но злобная надежда тут же сменилась оскопленной яростью. Создание не сумело отыскать в наступающем воине ничего, кроме спокойствия.

В миг чистейшего просветления Цу'ган метнул во врага громовой молот.

Оружие летело, вращаясь в воздухе, пока не врезалось в чудовище. Праведный удар молота расколол корпус машины, который, хоть и сковывал плененную внутри тварь, но также укреплял её.

Пламя вновь разгорелось в глазах демона, освобожденного от пут. Ухватившись жуткими когтями за края разбитой грудной клетки, он начал выбираться наружу.

Меня ждет пир на костях этого мира.

Открыв глаза, Евангелина произнесла первые и последние слова в своей жизни. Истинное имя...

Кхартак-шек-хлад-бахкарн...

Демон успел лишь завизжать перед тем, как его окутал ореол жгучего света. Жаркие ветра, несущие запахи пепла и крови, на миг опоганили воздух – и тут же исчезли вместе с порождением варпа. Волна изгнания, словно круги, расходящиеся по огромному водоему, понеслась дальше, за пределы часовни, за стены бастиона-монастыря, оббегая всю Гробницу IV.

Рядом с Евангелиной остался дымящийся металлический остов. Опаленные, безжизненные обломки демонической машины лежали неподвижно.

Хромая, к ним подошел Претор, залитый кровью, но со штормовым щитом в руке.

Всё было кончено.

Очнувшийся отец Люмеон приковылял из общей спальни. Сейчас он плакал за спиной Цу'гана, поняв, что произошло.

Аура Евангелины почти угасла.

— Её благодать иссякла. Заговорив, она нарушила святейший из обетов Ордена, и теперь этот несравненный дар потерял, — сильно расстроенный священник, тем не менее, радовался тому, что Евангелина осталась жива.

Цу'ган не видел причин печалиться.

— Демон изгнан, а Красной Ярости нанесен жестокий удар.

По его вокс-каналу поступало множество докладов, и воин Саламандр прочел суть сообщений вслух.

— Силы предателей отходят. Небеса очищаются и блокирующий флот отступает.

— Ненадолго, — нахмурился Претор. — Мы лишь получили краткую передышку.

Коснувшись вокс-бусины в ухе, сержант передал на «Неумолимый» координаты точки эвакуации. Затем он повернулся к священнику и послушнице.

— Вы отправитесь с нами.

Отец Люмеон поклонился, прижимая Евангелину к себе, словно ребенка.

— Брат-сержант, — Цу'ган протянул ему громовой молот.

Забрав оружие из рук воина, Претор кивнул.

— Достойный удар.

Цу'ган наслаждался уважением, с которым смотрел на него сержант. Теперь, когда благодать Евангелины исчезла, к воину возвращался прежний гнев. Как глупо, что он принял ту умиротворенность за нечто большее, чем минутное облегчение.

— Что-то не так, брат?

— Всё в порядке, — солгал Цу'ган.

Когда в вышине раздался рёв двигателей «Неумолимого», душевные муки и гнев Огненного Змия уже вернулись.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Огнерожденный/_Fireborn_\(аудиорассказ\)&oldid=10698](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Огнерожденный/_Fireborn_(аудиорассказ)&oldid=10698)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 января 2020 в 16:22.